

С того момента, как утих шум и гам, прошло немало времени, а учитель всё никак не появлялся.

Небо давно прояснилось, серый туман рассеялся. Солнце поднялось высоко, едва очерчивая тени теремов, в тишине издалека доносились крики петухов и лай собак. Фонари, висевшие у входа во двор, уже погасли, а петушиный крик раздался в ответ на рассвет.

— Эй, так ты и есть тот самый новенький, о котором сегодня говорил учитель? У тебя и правда наглости не занимать! — не в силах усидеть в тишине и желая выслужиться перед главарем, проговорил Лю Баожу. Свежие синяки на его лице делали его вид довольно комичным. Он стоял, подпирая плечом оконную раму, и задиристо смотрел на Бай Цинсина.

Так называемый пришлый ученик — в их кругах таких за глаза называли пронырами, что попали сюда через заднюю дверь, бездарями без гроша за душой.

Лю Баожу задрал подбородок, его тон был донельзя противным — видимо, очень хотел кому-то угодить.

— Именно так, — голос Бай Цинсина звучал мягко и тепло, словно весенний ветер. Он ничуть не помрачнел от грубости и не собирался уходить, обиженно взмахнув рукавами. — Только вот не знаю, как мне величать этого брата?

— Ты... ты... ты! Я тебя оскорбляю, а ты почему не отвечаешь, как положено! — юнец еще не научился скрывать свои чувства, и все его эмоции были написаны на лице.

— О? А как, по-твоему, я должен был отреагировать? Может, ты наложишь побольше грима и покажешь мне мастер-класс? Чтобы в следующий раз я знал, как себя вести, — Бай Цинсин был невозмутим, а его глубокие, как обсидиан, глаза насмешливо блестели.

— Ты... ты... ну погоди! — лицо Лю Баожу побагровело, что в сочетании с синяками делало его похожим на палитру художника. Он в ярости развернулся и ушел.

Хотя Бай Цинсин не был провидцем, он был человеком проницательным и прекрасно понял насмешку: его сравнили с балаганным актером, которому не место на большой сцене. Что ж, вражда между ними сегодня была официально объявлена.

Ученики в классе переглядывались: кто-то с неприязнью, кто-то с насмешкой, но многие — с невольным уважением.

— Этот парень умеет жалить, — Ван Сифэн, у которого рука уже начала неметь от бесконечного переписывания текстов, небрежно отбросил кисть в сторону. — Завернул так, что сразу и не подкопаешься.

Назвать прилежного ученика, грызущего гранит науки, балаганным актеришкой — это сильно.

Очень сильно.

— Кому-то сейчас не поздоровится, — Линь Чаогэ, сидевший на задней парте у окна, раскрыл книгу и обмакнул кисть в тушь. Он видел, как недалекий Лю Баожу задирает Бай Цинсина, и уголки его губ едва заметно приподнялись.

Разве черная лилия так легко дается в руки? Он просто еще не начал действовать, время не пришло.

— Пожалуй, в этом году будет на что посмотреть, — капля туши сорвалась с кисти и расплылась по странице. Линь Чаогэ поспешно прикрыл книгу, чтобы не испортить остальное.

Учитель в тот день опоздал более чем на полчаса. Ввалился в класс, прижимая к боку книгу, походка его была тяжелой. Ходили слухи, что вчера он перебрал вина в увеселительном заведении, за что получил знатную взбучку от своей сварливой жены. Ученики, услышав это, не смогли сдержать злорадных улыбок, обнажив зубы.

В первый день учитель не стал их мучить. Собрал домашние задания, заданные на каникулы, и устроил небольшую разминку, заодно представив Бай Цинсина. Поскольку это был первый день, лекций как таковых не было — учитель лишь напомнил о правилах: не притеснять друг друга, почитать старших и все в таком духе. В основном это предназначалось для новенького, остальные же слышали это столько раз, что у них уже мозоли на ушах появились.

Учитель, рассказывая, всё время поглядывал на Бай Цинсина. Тот, в отличие от остальных, слушал его с искренним вниманием. А посмотрев на остальных сорванцов, учитель увидел, что те либо болтают, либо перекидываются записками, пропуская всё мимо ушей. Найти кого-то, кто действительно слушает, было такой редкостью, что учитель воодушевился и принялся распинаться еще усерднее, объясняя каждую мелочь.

Бай Цинсин продолжал слушать, даже не меняя позы. Учитель решил, что тот притворяется, и начал задавать вопросы по поэзии, но к своему удивлению обнаружил, что парень то и дело кивает. Неужели он и правда вникает? Учителя это так тронуло, что он воскликнул:

— Есть ли еще те, кто не понял? Я могу объяснить еще раз!

Все поспешили заверить его, что всё поняли, лишь бы поскорее перейти к играм. И тут Бай Цинсин поднял руку:

— Ученик не слишком сообразителен, я не всё понял. Прошу учителя повторить еще раз.

О, как же они забыли про этого черносердечного! Учителю пришлось снова пуститься в пространные объяснения. Каждый раз это занимало около получаса. Когда все уже решили, что мучениям конец, Бай Цинсин снова поднял руку.

Нет, ну это уже ни в какие ворота! Тот, кто тебя обидел — это дурак Лю Баожу, вот его и мучай, нас-то за что! Мы невинны!

Черная лилия решил применить тактику выжженной земли, заставив всех страдать вместе с собой под монотонное бубнение учителя. Бай Цинсин, казалось, не замечал испепеляющих взглядов. Он дотошно спрашивал: что значит эта фраза? Как читается этот иероглиф?

Так прошло всё утро. Никаких игр, только бесконечные дебаты. Обычно в это время они играли в жребий: писали на бумажках задания, бросали в ларец и тянули их. Если бы не Бай Цинсин, успели бы сыграть несколько кругов, а Линь Чаогэ уже давно бы сбежал в спальню досыпать.

В полдень учитель отправился обедать в отдельный кабинет. Бай Цинсин подошел к нему с книгой. Увидев его, учитель просиял, отложил палочки и с улыбкой спросил:

— Что-то осталось непонятным?

Бай Цинсин указал на строку в книге и спросил:

— Учитель, мне еще не выделили комнату?

— Ты еще не устроился? — переспросил учитель.

Бай Цинсин кивнул.

— Тогда я сам распоряжусь.

Учитель встал и повел его в кабинет, чтобы свериться с записями. Списки были огромными, он пролистал их до последних страниц. В академии комнаты делились на восточные, западные, южные и северные. В каждой жили по двое. Обычно господин занимал одну комнату, а его слуга — пристройку поменьше. Восточное и западное крылья предназначались для учеников, южное и северное — для учителей.

Академия была построена на склоне горы, среди живописных пейзажей, напоминающих туманные виды Цзяннани. Сверху открывался прекрасный вид, а у подножия раскинулся рынок Лоян.

Комнат было много, но женское отделение по соседству было крайне властным. Несмотря на небольшое количество учениц, они захватили почти шестьдесят процентов территории. Учитель тамошнего отделения под предлогом того, что излишняя близость может привести к нежелательным последствиям, воздвиг высокую стену, отрезав себе львиную долю пространства. А глупые парни из мужского отделения лишь молча согласились, отдавая лучшие места и ресурсы.

Учитель просматривал записи и обнаружил, что только трое живут в одиночку: сын сановника, юный господин Ван и Линь Чаогэ. Чжу Шэньгэ, уже сдавший экзамен на звание сюэя, любил

покой и не хотел ни с кем делить комнату. Лю Баожу специально выбрал крошечную коморку, рассчитанную на одного.

А что касается Линь Чаогэ...

Учитель ткнул пальцем в имя, перечеркнутое красным крестом, и фыркнул:

— У этого парня скверная репутация, ведет разгульный образ жизни, никто не хочет с ним жить. К тому же, недавние слухи... — учитель покосился на изящного юношу перед собой, — слово на букву Д он произнести не решился.

— Неужели всё так серьезно? — удивился Бай Цинсин. Сегодня он видел этого юношу в синем — выглядел вполне прилично, говорил вежливо, совсем не похож на того, о ком говорят такие вещи.

— В любом случае, никто не выдерживал с ним больше двух недель, — проворчал учитель, а потом, подумав, добавил: — Может, поселишься со мной? У нас там есть пара свободных комнат.

Жить в покоях учителя было нарушением правил. Бай Цинсин покачал головой:

— Благодарю за доброту, учитель, но я всё же поселюсь с братом Линем. К тому же мы одноклассники, нам будет о чем поговорить.

Учитель пытался отговорить его, боясь, что Линь Чаогэ его испортит:

— У него дурной нрав, он тебя погубит.

— Ничего страшного, я люблю тишину. Пока он будет гулять, я буду наслаждаться покоем. К тому же, мы с господином Линем сразу нашли общий язык.

Раз он настаивал, учителю пришлось уступить:

— Если не сработаетесь, приходи, я всегда держу койку для тебя свободной.

Бай Цинсин поклонился. Учитель закрыл записи и повел его за ключом. В соседней комнате, в темном шкафу, он отыскал нужный ключ и передал его новому ученику.

— Береги его.

Бай Цинсин кивнул, повесил ключ на пояс рядом с нефритовой подвеской, и при ходьбе слышался мелодичный звон.

После наставлений учитель отпустил его. Обеденный перерыв был долгим, оставалось время на отдых. Бай Цинсин решил по пути в спальню взглянуть, насколько же ужасен образ жизни

Линь Чаогэ, если от него все бегут.

Дорога петляла, обходя церковь и ведя через задний двор. Он остановился у крайней комнаты на первом этаже. Место казалось неудачным, но зато прямо за дверью был внутренний дворик, а из окна открывался вид на пруд и искусственную горку.

Бай Цинсин подошел ближе и увидел, что вода в пруду мутная, грязная, в ней плавали какие-то непонятные предметы и раздувшиеся трупы рыб. В воздухе стоял легкий душок. Он счел это совпадением и, не придав значения, открыл дверь ключом.

То, что он увидел внутри, повергло его в шок. За всю свою жизнь он еще не видел настолько грязного и захламленного помещения.

<http://bllate.org/book/22224/2319211>